

***«Я родом не из детства – из войны»
(по творчеству Ю.В. Друниной).***

Автор: Козырева Карина Александровна,
обучающаяся 9 класса, МКОУ "Верхнетеченская СОШ".
Руководитель: Казанцева Нина Николаевна,
учитель русского языка и литературы
МКОУ "Верхнетеченская СОШ"

Оглавление.

1. Введение.	Стр.3
2. Война длиною в жизнь.	Стр.4-6
3.«Я ушла из детства...»	Стр.6-13
4. О войне после войны.	Стр.13-18
5. «Жизнь – Родине, честь – никому».	Стр.19-23
6. Заключение.	Стр.23-25
7. Список используемых источников и литературы.	Стр.26

1. Введение.

С каждым годом все дальше и дальше от нас героические и трагические годы Великой Отечественной Войны. Эта война была одной из самых тяжких испытаний, которые с честью выдержала наша страна. Каждый год отмечаем мы День Великой Победы, день святой народной памяти, отдаём дань уважения людям, которые воевали и победили. В своей работе я хочу рассказать о поэтессе Юлии Владимировне Друниной, прошедшей санитаркой всю войну и сохранившей о ней память на всю жизнь.

Цель моей работы: рассказать о жизни и творчестве Юлии Друниной, доказав, что тема войны и патриотизма проходит через всё творчество поэтессы.

Задачи:

1. Познакомиться с биографией жизни и творчества Ю.В.Друниной.
2. Изучить литературу по данной теме.
3. Выделить особую грань поэзии Юлии Друниной.
4. Выявить основной мотив лирики поэтессы.

2. **Война длиною в жизнь.**

*Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем,
Я не героизмовала, а жила.
Ю. Друнина*

Юлия Владимировна Друнина родилась в 1924 году, а в 1989 году вышел в свет двухтомник произведений Ю. Друниной, в котором была опубликована ее автобиография. Шестьдесят одна страница – и почти вся жизнь – судьба, опаленная войной. Эта война протянулась для Ю. Друниной на всю жизнь, стала мерилем всех человеческих ценностей.

*Я родом не из детства –
Из войны.
И потому, наверное,
Дороже, чем ты
Ценю и счастье тишины,
И каждый новый день,
Что мною прожит.
Я родом не из детства –
Из войны.
Раз, пробиваясь партизанской тропкой,
Я поняла навек,
Что мы должны
Быть добрыми
К любой тропинке робкой.
Я родом не из детства –
Из войны.*

*И, может, потому – незащищенной
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя шершавые ладони.
Я родом не из детства –
Из войны.
Прости меня –
В том нет моей вины...*

Мы понимаем, что это выстраданные строки. Но детство у Юлии Друниной все-таки было: «Раннее детство.

Юлия Друнина осталась на всю жизнь – упрямой, непокорной, непримиримой. Она принадлежит к поколению, юность которого прошла испытание на зрелость на фронтовых дорогах Великой Отечественной войны. 17-летней выпускницей одной из московских школ она, как и многие её сверстники, в 1941 году добровольно ушла на фронт бойцом санитарного взвода.

В стихах Юлии Друниной все громче и громче начинает звучать ностальгия по романтике гражданской войны:

*Эх, деньки горячие уплыли,
Не вернуться вновь.
Помню, как алела в былой пыли
Молодая кровь.*

В этих словах – детская жажда подвига, которая жила и в юной поэтессе, и во многих ее сверстниках. Позднее о своем поколении она напишет: «Понятия «вещизм» тогда вообще не существовало, быт как-то не замечался, - царило Бытие. По крайней мере, в нашей школьной среде. Спасение челюскинцев, тревога за плутающую в тайге Марину Раскову, покорение полюса, Испания – вот чем жили мы в детстве. И, огорчались, что родились слишком поздно...

Удивительное поколение!

Вполне закономерно, что в трагическом 41-м оно стало поколением добровольцев. И, честно говоря, тогда я узнала правду о второй, трагической, чудовищной, апокалипсической стороне жизни 30-х годов, я

(не примите это за красивые слова) порой искренне завидую тем сверстникам, кто не вернулся с войны, погиб, свято веря в те высокие идеалы, которые освещали наше отечество, юность и молодость».

Я ушла из детства в грязную теплушку,

В эшелон пехоты, в санитарный взвод

*Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.
Я пришла из школы в блиндажи сырые.
От «Прекрасной Дамы»- в «мать» и «перемать».
Потому что имя, ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать!*

Судьбу Юлии Друниной можно назвать одновременно и счастливой и трагической. Трагической — потому что ее юные годы черной полосой перечеркнула война, счастливой — потому что ей удалось выжить и даже стать известной поэтессой, чьи стихи поистине «взрывают время» и показывают нам, поколению совершенно далекому от событий Великой Отечественной войны, тяготы военного лихолетья. Юлия Друнина стала свидетелем войны с первых ее дней.

3. «Я ушла из детства...».

«Когда началась война, я, ни на минуту не сомневаясь, что враг будет молниеносно разгромлен, больше всего боялась, что это пройдет без моего участия, что я не успею попасть на фронт. Страх «опоздать» погнал меня в военкомат уже 22 июня».

А ведь это была девочка, выросшая в городе, в интеллигентной семье, девочка, которой до совершеннолетия не хватало целых двух лет. Поэтому, сначала она работала в госпитале, а потом пошла, рыть окопы.

Мне близки армейские законы,
Я недаром принесла с войны
Полевые мятые погоны
С буквой «Т» – отличием старшины.
Я была по-фронтовому резкой,
Как солдат, шагала напролом,
Там, где надо б тоненькой стамеской,
Действовала грубым топором.
Мною дров наломано немало,
Но одной вины не признаю:
Никогда друзей не предавала –
Научилась верности в бою.

Десятиклассницей она начала свой путь по дорогам Великой Отечественной войны. Первый шаг к фронту был сделан в госпитале, где она работала, по совету отца, санитаркой; затем обучалась в Хабаровской школе младших авиаспециалистов, где получила первую премию за литературную композицию. И, наконец, в звании третьего санинспектора в 1943 году ее направили на Белорусский

фронт. По пути на вокзал крутились строки: «Нет, это не заслуга, а удача – стать девушке солдатом на войне...», которые через некоторое время вылились в стихотворение:

Нет, это не заслуга, а удача
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б
мне!

Друнина видела, как гибли молодые ребята, которым не было еще и двадцати лет. В одном из стихотворений она приводит статистические данные: «По статистике, среди фронтовиков 1922, 1923 и 1924 годов рождения к концу войны в живых осталось три процента».

В эту трагическую статистику вошли и девушки. На войне они были наравне с мужчинами, забывали свои слабости: всю жизнь Юлия боялась крови, при виде крови у нее кружилась голова, но до конца войны этого никто не заметил.

Судьба хранила поэта. В боевых окопах перенесла она болезнь легких. В результате физического истощения, Друнина попала в тыловой эвакогоспиталь Горьковской области. Там впервые за все время войны ей снова захотелось писать стихи...

Но трудности ее не остановили. Вместе с дивизией народного ополчения, которая тут же рыла окопы, Юлия ушла на фронт. Позднее поэтесса напишет: «Обо всем, что можно назвать романтикой

войны, я пишу всю жизнь – в стихах. А вот прозаические детали в стихи не лезут. Да и не хотелось раньше их вспоминать. Теперь вспоминать я все могу почти спокойно и, даже, с некоторым юмором».

Вот они, эти прозаические детали, которые не лезли в стихи. «Шли всю ночь. На десятиминутных привалах засыпали молниеносно, некоторые ухитрились «кемарить» даже на ходу. Главное, что меня мучило - страшная усталость. Только прикорнешь в окопчике, снова постылое: «Приготовиться к движению!»»

*Только что пришла с передовой,
Мокрая, замерзшая и злая.
А в землянке нету никого,
И дымится печка, затухая.
Так устала – руки не поднять.
Не до дров, согреюсь под шинелью.
Прилегла, но слышу, что опять
По окопам нашим бьют шрапнелью.
Из землянки выбегаю в ночь,
А навстречу мне рванулось пламя,
Мне навстречу – те, кому помочь
Я должна спокойными руками.
И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом,
Мимоходом: «Молодец, сестра!»
Крикнут мне товарищи в награду.
Руки мне протянет после боя:
Старшина: «Родная, как я рад,
Что опять осталась ты живою».*

Дивизия оказалась в кольце.... Двадцать три человека, и Юлия в том числе, вырвались из окружения. Тринадцать суток, тринадцать дней и ночей выходили к своим. «Мы шли, ползли, бежали, натываясь на немцев, теряя товарищей. Опухшие, измученные, ведомые одной страстью – пробиться!»

Я только раз видала рукопашный.

Раз - наяву, и тысячу - во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Это не просто слова. Цена им – жизнь. Под обстрел, в холод, в грязь. Ни на секунду не возникло у нее сомнений: «А нужно ли снова возвращаться в пекло, под пули?» Она знала – ее место там, на передовой.

Но «даже невыносимо грубая, тяжелая, жесткая гроза войны не могла выбить из меня того, что отец называл когда-то «детской романтикой».

Эти слова Юлии Друниной, сказанные о себе, подтвердил и командир ее санвзвода, ставший позднее писателем: «Впечатлительная московская девочка начиталась книг о героических подвигах и сбежала от мамы на фронт. Сбежала в поисках подвига, славы, романтики. И, надо сказать, ледяные окопы Полесья не остудили, не отрезвили романтическую девочку. В первом же бою нас поразило ее спокойное презрение к смерти. У девушки было какое-то полное отсутствие чувства страха, полное равнодушие к опасности.

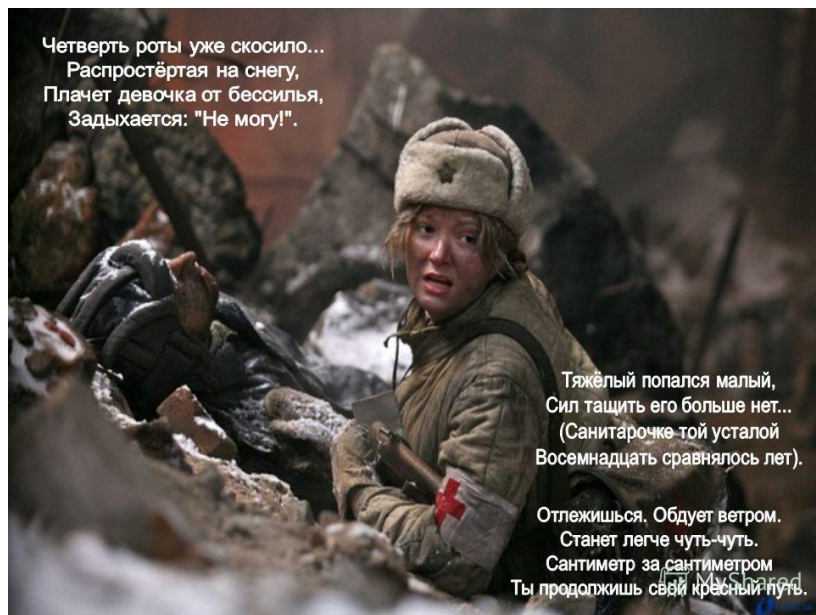
Казалось, ей совершенно безразлично, ранят ее, убьют или не убьют. Равнодушие к смерти сочеталось у нее с жадным любопытством ко всему происходящему. Она могла высунуться из окопа и с интересом смотреть, как почти рядом падают и взрываются снаряды. Она переносила все тяготы фронтовой жизни и как будто не замечала их. Перевязывала окровавленных, искалеченных людей, видела трупы, мерзла, голодала, по неделе не раздевалась и не умывалась, но оставалась романтиком».

*До сих пор, едва глаза закрою,
Снова в плен берет меня война.
Почему-то нынче медсестрою
Обернулась в памяти она:
Мимо догорающего танка,
Под обстрелом, в санитарный взвод,
Русая, курносая славянка
Славянина русского ведет.*

Николай Старшинов, поэт, писал о ней: «Думаю, что среди поэтов фронтового поколения Юля была едва ли не самым неисправимым романтиком с первых шагов своей сознательной жизни и до последних своих дней». Даже сама Юлия писала позднее: «Освободительная война – это не только кровь, страдания и смерть, но еще и высшие взлеты человеческого духа – бескорыстный подвиг, самопожертвование и – самое главное, может быть, прекрасное – фронтовое братство. А человеку свойственно грустить о прекрасном. На передовой отношения между офицерами, сержантами и рядовыми были воистину братскими. Роднило не только чувство одинаковой опасности, но и сознания, что здесь ты – как на рентгене – ясен каждому. Да, как это ни парадоксально, на передовой мы дышали воздухом свободы».

Мотив ухода из детства в ужас войны будет звучать и в поздних стихах поэтессы, словно и спустя десятилетия она не вернулась с «кровавых полей». Друнина была медсестрой не где-нибудь в тыловом госпитале, а на передовой, в самом пекле. На хрупких девичьих плечах было вынесено немало раненных солдат из-под огня. Она подвергалась смертельной опасности, да и тащить на себе раненного — труд тяжкий

Естественность, «непридуманность» стихов поэтессы проявляется в отчетливой связи произведений Друниной с реальными событиями и лицами. Таково стихотворение «Зинка» – едва ли не лучшее в творчестве Юлии Друниной, посвящённое Зинаиде Самсоновой – фронтовой подруге поэтессы, впоследствии – Герою Советского Союза, девушке, о которой ходили легенды.

В центре лирического повествования трагическая судьба совсем молоденькой девушки Зины, оказавшейся в военной мясорубке. Стихотворение начинается с описания разговора между автором и Зиной. Девушки ожидают рассвет в лесу «у разбитой ели», под одной шинелью, потому что так теплее «на продрогшей, сырой земле». Зинка, видимо, обладает живым, веселым характером: «... Я против

грусти», но в данный момент ее охватывает тоска по родному краю, по «яблочному захолустью» Рязанщины, где живет ее «мамка». Она одна у нее и дочь знает: каждую минуту мама ждет ее домой: «Старой кажется: каждый кустик /Беспокойную дочку ждёт...». Батальон, в котором сражались девушки, переживал трудное время, с каждым днем положение усугублялось, «становилось горше». Под Оршей они попадают в окружение, и именно Зинка повела в атаку «через смертные рубежи». «Светлокосый солдат», который не ждал «посмертной славы», погибает. Горе автора велико, боль потери нестерпима: «Ее тело своей шинелью/ Укрывала, я, губы сжав...».

Трагичность происходящего усиливается тем, что на рассказчице лежит страшное, тяжелое обязательство — сообщить старушке-матери Зины о гибели ее единственного ребенка: «И старушка в цветастом платье /У иконы свечу зажгла./ ...Я незнаю, как написать ей, /Чтоб она тебя не ждала?».

Старой кажется: каждый кустик

Беспокойную дочку ждёт...

Знаешь, Юлька, я - против грусти,

Но сегодня она - не в счёт.

Отогрелись мы еле-еле.

Вдруг - приказ: «Выступить вперед!»

Снова рядом в сырой шинели

Светлокосый солдат идёт.

2

С каждым днём становилось горше.

Шли без митингов и знамён.

В окруженье попал под Оршей

Наш потрёпанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.

Мы пробились по чёрной ржи,

По воронкам и буеракам,

Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.

*Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Её тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!*

Стихотворение по тональности - торжественно-сдержанное, трагическое и светлое, как реквием; по разговорной стилистике - трепетное и горькое, как прощание с близким; стихотворение - обращение к «светлокосому солдату», юной девушке, убитой на войне, о которой автор, такая же юная фронтовичка, говорит с отчаянием, представляя ее старенькую маму, одиноко живущую где-то в маленьком захолустье и ждущую возвращения с войны своей единственной дочери.

«В батальоне нас, девушек, было всего двое. Спали мы, подостлав под себя одну шинель, накрывшись другой, ели из одного котелка – как тут не подружиться? Немного времени отпустила нам война на дружбу, но ведь даже по официальной мерке один год на фронте засчитывается за три».

*Все грущу о шинели,
Вижу дымные сны –
Нет, меня не сумели
Возвратить из войны.
Дни летят, словно пули,
Как снаряды – года...
До сих пор не вернули,
Не вернут никогда.
И куда же мне деться?*

*Друг убит на войне,
А замолкшее сердце
Стало биться во мне.*

4. О войне после войны.

Ей шел двадцатый год, и, казалось, все еще впереди. Но «странная, непонятная для других болезнь» - «фронтальная ностальгия» уже преследовала ее.

Война не уничтожила в ней способность любить и ненавидеть, тонко чувствовать добро и переживать за все, что происходит вокруг.

*Мы не очень способны на «ахи», да «охи»
Нас «на прочность» не зря проверяла война,
Мы суровые дети суровой эпохи:
Обожгла наши души она.
Только правнуки наши далекие судьи,
Ошибутся, коль будут считать,
Что их прадеды были железные люди,
Самолетам и танкам подстать.
Нет, неправда, что души у нас очерствели*

(Такова, мол, дорога бойца).

Под сукном грубошерстным солдатских шинелей

Так же трепетно бьются сердца.

Так же чутки и к ласке они, и к обиде,

Так же вдруг и в несчастье верны.

Тот умеет любить, кто умел ненавидеть

На седых пепелищах войны.

Я, признаться, сбережь не сумела шинели –

На пальто перешили служивую мне.

Было трудное время.... К тому же хотели

Мы скорее забыть о войне...

Я пальто из шинели давно износила,

Подарила я дочке с пилотки звезду.

Но коль сердце мое тебе нужно Россия,

Ты возьми его, как в 41 – м году.

«Судьбу поэтов моего поколения можно назвать одновременно и трагической, и счастливой. Трагической потому, что в наше отрочество, в наши дома и в наши такие еще не защищенные, такие ранимые души ворвалась война, неся смерть, страдание, разрушение. Счастливой потому, что, бросив нас в самую гущу народной трагедии, война сделала гражданскими даже самые интимные наши стихи. Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Не знаю, где я нежности училась,

Об этом не спрашивай меня.

Растут в степи солдатские могилы,

Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах – обугленные трубы,

Пожары полыхают на Руси.

И снова нецелованные губы

*Израненный парнишка закусил.
Нет! Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.
А вечером над братскою могилой
С опущенной стояли головой.
Не знаю, где я нежности училась, -
Быть может, на дороге фронтовой.*

На войне Юлией владело счастливое сознание, что она «делает основное дело своей жизни». Очень горько прозвучат потом строчки, написанные поэтессой уже после войны:

*Могла ли я, простая санитарка,
Я, для которой бытом стала смерть,
Понять в бою, что никогда так ярко
Уже не будет жизнь моя гореть?
Могла ли знать в бреду окопных буден,
Что с той поры, как отгремит война,
Я никогда уже не буду людям
Необходима так и так нужна?*

В годы учебы в Литинституте Друнина встретилась с начинающим поэтом Николаем Старшиновым. Это случилось в середине декабря 1944 года. Он с первых же минут сумел разглядеть в ней, носившую грубую мужскую шинель, милого, доброго и обаятельного человека. Позже оказалось, что они вместе до войны занимались в литературной студии. Старшинов даже был знаком с одним из первых ее сочинений, участвовавшим в конкурсе на лучшее стихотворение о гражданской войне:

*Мы рядом за школьной партой сидели,
Мы вместе учились по книге одной,
И вот в неотглаженной новой шинели
Стоишь предо мной.*

Строки эти звучат, как предчувствие будущей судьбы.

В этом же 1944 году, Николай Старшинов и Юлия Друнина стали мужем и женой. Вскоре у них родилась дочь Лена, появились неведомые до сих пор проблемы, заботы. Друнина вдруг почувствовала быстротечность времени:

*Скажи мне, детство, разве не вчера,
Гуляла я в пальтишке до колена?
А нынче дети нашего двора
Меня зовут с почтеньем «мама Лена».*

И все - таки она никак не могла расстаться с молодостью. В ней была какая-то неудержимая сила, рвущая, не дающая покоя.

*-Рысью марш! –
Рванулись с места кони.
Вот лети карьером наш отряд
-Ну, а все же юность не догонишь! –
Звонко мне подковы говорят...
Не догнать?
В седло врастаю крепче,
Хлыст и шпоры – мокрому коню
И кричу в степной бескрайний вечер:
-Догоню!
Ей-богу, догоню!*

Друнина никогда не ходила по редакциям, не требовала ничего, но ее стихи всегда были одними из самых читаемых и любимых. В 1947 году вышел первый сборник под названием «В солдатской шинели». В него вошли стихи, написанные за годы фронтовой и послевоенной жизни.

5. «Жизнь – Родине, честь – никому!»

Друнина старалась жить, следуя завету: «Жизнь – Родине, честь – никому!», может, именно поэтому ей было сложно вступить в Союз писателей. Она была принята в члены Союза писателей только со второй попытки, в 1950 году, при поддержке А. Твардовского.

Лишний раз ее твердость и принципиальность подтверждает событие, произошедшее в 1952 году. От журнала «Сельская молодежь» ее командировали в Белоруссию, в село Озаричи. Здесь работал заслуженный учитель – фронтовик, о котором нужно было написать очерк. В гостинице ее встретила приветливая девушка, найти орденосца помогли мальчик и его дедушка. Однако встреча с ветераном разочаровала: он оказался надменным, кичащимся своими заслугами стариком, к тому же постоянно заискивающим перед поэтессой. Друнина наотрез отказалась писать о нем, но с нежностью вспомнила мальчика и его дедушку.

Тяготы послевоенного быта Друнина переносила стойко. Никто не слышал от нее ни жалоб, ни упреков. Но постепенно накапливались усталость, изможденность, она искала поддержку и не могла ни в ком ее найти. К этому времени отношения с Николаем Старшиновым стали походять на дружеские, любовь угасала... Вскоре они расстались. И именно в это нелегкое для нее время она встретила человека, который удивительно трогательно и трепетно к ней относился – Алексея Яковлевича Каплера, знаменитого сценариста, ведущего «Кинопанорамы», первую любовь Светланы Аллилуевой.

Став мужем Друниной, он оградил ее от всех бытовых забот, чтобы она посвятила себя только литературной деятельности, ввел в свой круг общения... Однако, будучи человеком замкнутым, Друнина никак не могла привыкнуть к окружению знаменитых режиссеров, актеров, писателей... В их мире она чувствовала себя неуютно, но у нее был личный тыл – муж, который ее боготворил. За время жизни с ним Друнина написала наибольшее количество стихов за весь свой литературный путь, а также попробовала себя в жанре прозы (повесть «Алиса», автобиография «С тех времен...», философские очерки).

6. Заключение.

Один из современных литературных критиков утверждает: “Поколение, вернувшееся с войны двадцати - двадцатипятилетними, не явило миру и русской поэзии выдающееся литературное имя, но создало многогранный образ Поэта фронтового поколения”. И это особая грань поэзии Юлии Друниной - поэтессы, фронтовички, женщины с большой буквы, лауреата премии имени М. Горького за книгу стихов “Не бывает любви несчастливой”.

Основной мотив лирики Юлии Друниной - стихи, связанные с юностью молодостью поэтессы. И это неслучайно. Никогда, ни в какие времена не было войны, когда бы женщины играли роль столь

огромную, как во время Великой Отечественной. Целые полки: зенитные, связи, ночных бомбардировщиков, не говоря о медицинских батальонах, ротах - сплошь состояли из представительниц прекрасного пола.

Своеобразие стихов Друниной – в понимающем и добром взгляде на мир и, что особенно важно, на войну, в которую женщина поэзии Друниной приносит не только свое мужество терпения и неустанной помощи, но и изначальный протест, обусловленный несовместимостью животворящей женской сути с разрушением и убийством.

Артобстрелы, бомбёжки, тяжёлые ранения, госпиталь, возвращение на фронт - все это спрессовалось в невероятно коротком отрезке времени. И в одном сердце! Сердце не выдержало - взорвалось стихами. Поэзия стала судьбой. «Ознобные могилы-блиндажи», «солдатский неуют», «окопная тоска» вошли в стихи Друниной, не заслонив радостей первой любви, дружбы, познания мира. Тема войны, патриотизма проходит через всё её творчество. Идёт ли речь о любви, о призвании поэта - она неизменно возвращается к воспоминаниям фронтовой юности, проверяя ими своё отношение к жизни.

Страшная вещь, не имеющая права на существование, - женщина на войне. Память об этом Юлия Владимировна пронесла через всю жизнь. Она прошла ее достойно, до конца сохранив идеалы любви и дружбы. И ушла, когда рушилось все, во что она верила. А нам в наследство оставила замечательные стихи.

Своей поэзии Юлия Друнина не изменяла, поэтому, может быть, в этом трагичность судьбы поэтессы. Стихи Ю. Друниной точны и лаконичны, лиричны и конкретны, они покоряют меня своей правдой, неповторимостью, своей искренностью и художественной красотой – в них вся Юлия Друнина, которой она была в жизни.

*И с каждым годом все дальше, дальше
И с каждым годом все ближе, ближе
Отпыхавшая юность наша,
Друзья, которых я не увижу.
Не говорите, что это тени, -
Я помню прошлое каждым нервом.*

*Живу, как будто в двух измерениях:
В 70-х, в 41-м.
Живу я жизнью обыкновенной
Живу невидимой
Жизнью странной-
Война гудит
В напряженных веках,
Война таится во мне,
Как рана.
Во мне пожары ее
Не меркнут,
Живут законы
Солдатской чести,
Я дружбу мерю
Окопной меркой-
Тот друг,
С кем можно в разведку вместе.*

7. Список используемой литературы.

1. Алешина А.В. «Жизнь и смерть» - М.,1999г.
2. Друнина Ю.В. «Метель» - М., «Советский писатель», 1988г.
3. Друнина Ю.В. «Мне в мире до всего есть дело» - М, «Книга», 1978г.
4. Журнал-сборник сценариев для библиотек, 1 выпуск, 2000г.
5. «Независимая газета», выпуск 25, 1999г.
6. Пьяных М.Ф. «Ради жизни на Земле» - «Ленинград», 2003г.
7. Сурков В.А. «Краткая литературная энциклопедия» - 2 том, М., «Советская энциклопедия», 1964г.
8. Шагалов А.Ф. «Уроки ответственности» - М., «Военное издательство», 1986г